

Оригинальная статья

УДК 159.9.072:316.6

DOI: 10.35750/2713-0622-2022-3-277-287

Отношения с социальным окружением как мотив правопослушного поведения молодежи: опыт кросс-культурного исследования

**Кирилл Витальевич
Злоказов**

Санкт-Петербургский
университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
zkirvit@yandex.ru

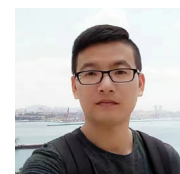
ORCID: 0000-0002-0664-8444

**Роман Юрьевич
Порозов**

Уральский государственный
педагогический университет,
Институт психологии
(Екатеринбург, Россия)
r.porozov@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1932-1624

Хуан Тяньдэ

Институт европейских языков
и культур Гуандунского
университета иностранных языков
и международной торговли
(Гуанчжоу, Китай)
tiande-88@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4697-6426

Аннотация

Введение. Понимание оснований правопослушного поведения молодежи является социально значимым, но при этом недостаточно изученным предметом исследования. Знание психологических причин правопослушного поведения важно для осуществления профилактической и превентивной работы с девиантной молодежью и социализации подрастающего поколения. Современные научные представления не обладают достаточной информацией о роли всей системы отношений субъекта с социальным окружением в мотивации правопослушного поведения, сосредоточившись на изучении роли конкретных его участников – членов семьи, родственников, друзей и коллег. **Целью** исследования является изучение отношений с социальным окружением как мотива правопослушного поведения. Для этого в исследовании выполняется кросс-культурная оценка данных отношений в выборках китайской и российской молодежи.

Методология, методы и методики. Методологической основой исследования выступает социально-сетевой подход к изучению социального окружения. Данный подход позволяет описывать социальное окружение в качестве квазисоциальной группы, основанием (центром) которой является субъект, а остальные участники связаны с ним социальными и психологическими отношениями. Применение этого подхода раскрывает значение социального окружения как мотива правопослушного поведения, показывая влияние отношений с социальным окружением на готовность к правонарушающему поведению.

Стратегией исследования выступает кросс-культурное исследование. Методом сбора информации являются анкета, изучающая характеристики социальных отношений и мотивы правопослушного поведения, а также стандартизированный самоотчет, измеряющий субъективные характеристики взаимодействия.

Метод обработки результатов: дескриптивная статистика, непараметрическая альтернатива однофакторного дисперсионного анализа – Н-критерий Краскела-Уоллиса.

Выборка исследования: 100 человек, состояла из русских (50 человек) и китайских (50 человек) студентов, эквивалентных по возрасту и полу.

Результаты: определены характеристики социального окружения, влияющие на правопослушное поведение и составляющие мотивацию: (1) Параметры организации социального окружения (объем, гомогенность, трудности

взаимодействия) в пределах средних (типовых) значений не влияют на правопослушное поведение молодежи; (2) Самооценка взаимодействия с социальным окружением усиливает мотивацию правопослушного поведения для русской молодежи; (3) Социальная поддержка со стороны лиц, входящих в социальное окружение, усиливает мотивацию правопослушного поведения в русской и китайской выборках; (4) Система мотивов правопослушного поведения может быть представлена в виде эмоциональных, социальных, персональных и рациональных мотивов, формируемых под влиянием социального окружения.

Научная новизна. Полученные данные расширяют представление о мотивирующей роли отношений с социальным окружением, показывая, что помощь и поддержка окружающих, а также самооценка взаимодействия с социальным окружением усиливает мотивацию правопослушного поведения.

Практическая значимость. Представленная классификация мотивов правопослушного поведения может использоваться для разработки процедур измерения и оценки готовности молодежи к соблюдению правовых норм.

Ключевые слова

правопослушное поведение, правосознание, социальный контроль, социальные отношения, социальная поддержка, самооценка взаимодействия

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00415.

Для цитирования: Злоказов, К. В., Порозов, Р. Ю., Тяньдэ, Х. (2022). Отношения с социальным окружением как мотив правопослушного поведения молодежи: опыт кросс-культурного исследования. *Российский девиантологический журнал*, 2(3), 277-287. doi: 10.35750/2713-0622-2022-3-277-287.

Original paper

Relations with the social environment as a driving force for the law-abiding behavior of young people: cross-cultural research experience

Kirill V. Zlokazov

Saint Petersburg University
of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
zkirvit@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0664-8444

Roman Yu. Porozov

Ural State Pedagogical University,
Institute of Psychology
(Yekaterinburg, Russia)
r.porozov@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1932-1624

Huang Tiande

Institute of European Languages
and Cultures, Guangdong University
of Foreign Studies (Guangzhou, China)
tiande-88@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4697-6426

Abstract

Introduction. Understanding the grounds of the law-abiding behavior of young people is a socially significant, but poorly studied research domain. Knowledge of the psychological causes of law-abiding behavior is important for the implementation of preventive work with deviant youth and the socialization of the younger generation. Contemporary scientific ideas do not have sufficient information about the role of the entire system of relations of the subject with the social environment for the motivation of law-abiding behavior, focusing on the study of the role of its specific participants - family members, relatives, friends and colleagues. The study is **focused** on the relations with the social environment as a motive for law-abiding behavior. For this purpose, the study performs a cross-cultural assessment of these relationships in Chinese and Russian youth samples.

Methodology, methods and techniques. The methodological basis of the study is the social network approach to the social environment studies. This approach makes it possible to describe the social environment as a quasi-social group, the basis (center) of which is the subject, while the rest of the participants are connected to the subject through social and psychological relations. Application of this approach reveals the significance of the social environment as a motive for law-abiding behavior, showing the effect of relations with the social environment on delinquent behavior readiness.

Cross-cultural studies represent the **research strategy**. Information collecting method is a questionnaire analyzing the social relations and the motives of law-abiding behavior, as well as a standardized self-report measuring the subjective interaction features.

Results processing method: descriptive statistics, non-parametric alternative to one-way analysis of variance - Kruskal-Wallis H-test.

Survey sample: 100 people, consisted of Russian (50 people) and Chinese (50 people) students, of the similar age and gender.

Results: the social environment features have been determined affecting law-abiding behavior and making up motivation: (1) Social environment parameters (volume, homogeneity, interaction difficulties) within the average (standard) values do not affect the law-abiding behavior of young people; (2) Self-assessment of interaction with the social environment enhances the motivation for law-abiding behavior for Russian youth; (3) Social support from individuals in the social environment enhances the motivation for law-abiding behavior in the Russian and Chinese sampling; (4) The system of motives for law-abiding behavior can be represented as emotional, social, personal and rational motives developed under the social environment influence.

Scientific Novelty. The data obtained expand the understanding of the motivating role of relationships with the social environment, showing that the help and support of others, as well as self-assessment of interaction with the social environment, enhances the law-abiding behavior motivation.

Practical Significance. The represented classification of the motives of law-abiding behavior can be applied to develop procedures for measuring and evaluating the readiness of young people to comply with legal standards.

Keywords

law-abiding behavior, legal awareness, social monitoring, social relations, social support, self-assessment of interaction

Acknowledgements

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project № 20-012-00415.

For citation: Zlokazov, K. V., Porozov, R. Yu., Tiande, H. (2022). Relations with the social environment as a driving force for the law-abiding behavior of young people: cross-cultural research experience. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 2(3), 277-287. doi: 10.35750/2713-0622-2022-3-277-287.

Актуальность

Изучение оснований правопослушного поведения подрастающего поколения имеет высокую общественную значимость. Их раскрытие повышает эффективность программ декриминализации подростков и молодежи и в целом совершенствует воспитательную деятельность образовательных организаций по формированию правового отношения и правосознания. Среди данных оснований особое значение имеет выявление мотивации правопослушного поведения – совокупности причин, объясняющих приверженность закону и соблюдение молодежью правовых норм.

Современные представления о мотивах правопослушного поведения весьма разнородны, что выражается в широком спектре факторов и условий, рассматриваемых в качестве таковых мотивов. В настоящее время к предпосылкам правопослушного поведения относят индивидуальные психологические особенности личности (Кириллова, Шестаков, 2018). Об этом говорят исследования девиантной и делинквентной молодежи, в которых обсуждаются недостатки механизмов психологической регуляции социального поведения. Наряду с личностными образованиями акцентируется внимание на социальном окружении молодежи, в частности, описывается влияние девиантной и криминальной субкультур, маргинальных сообществ и групп, а также противоправно ориентированных референтных лиц (Разумова, 2007; Akers, 2009; Kreager et al., 2016; McGloin, 2009).

Предметная область нашего исследования ограничена отношениями субъекта с социальным окружением. Определяя социальное окружение как совокупность связей между субъектом и другими людьми, мы рассматриваем его в виде целостной и стабильной социально-психологической общности. Данная социальная общность является квазисоциальной группой, лидером (ядром) которой выступает субъект, а участниками – люди, с которыми установлено взаимодействие и сформированы межличностные отношения.

Цель исследования предполагает изучение характеристик социального окружения, влияющих на мотивацию правопослушного поведения.

Отметим, что отношения с социальным окружением изучаются в выборках русской и китайской молодежи. За счет кросс-культурной специфики уточняется социально-психологический контекст данных отношений, определяющий мотивы соблюдения правовых норм. Исследование базируется на предположении о существовании сходства в мотивах правопослушного поведения российской и китайской молодежи, обусловленных отношениями с социальным окружением.

Проверка этой гипотезы расширяет представления о роли отношений с окружающими в качестве регулятора правопослушного поведения и расширяет понимание российской и китайской культур социальных отношений, формирующих правовое поведение.

Структура статьи соответствует идее исследования и его этапам. В начале обсуждаются теоретические

представления о влиянии социального окружения на правопослушное поведение, формируются эмпирические гипотезы. Далее описываются методы и процедура их верификации, а также полученные результаты и выводы. В завершении статьи обсуждаются перспективы дальнейшего изучения социальных отношений молодежи с окружающими их людьми в контексте регуляции правового поведения.

Социальное окружение в ряде мотивов правопослушного поведения

В психолого-педагогических исследованиях мотивация правопослушного поведения описывается в контексте осознания человеком правовых норм – правосознания. Правосознание рассматривается сложным структурным образованием сознания, заключающим в себе правовые знания, отношение к правовым нормам и самоотношение к себе как субъекту правового поведения (Муслумов, 2019). Правосознание формируется под влиянием обучения и воспитания, однако включает в себя и субъективное отношение человека, отражающее его индивидуальный опыт, накопленный в процессе жизни. Психосоциальная природа правосознания выражается в динамичности его содержания.

Знание правовых норм, установки и отношение к их соблюдению изменяются в зависимости от социальных и индивидуальных факторов. Наиболее заметные изменения вызваны зависимостью правового поведения человека от социальных факторов. Как показывают криминологические исследования, противоправное поведение мотивировано принадлежностью человека к делинквентным и девиантным социальным сообществам и группам (Kreager et al., 2016). Социальная изоляция, исключение или поражение в правах немедленно отражаются на готовности соблюдать правила и нормы поведения. Помимо внешних и по существу социальных условий, изменчивость мотивации правопослушного поведения определяется индивидуально-психологическими факторами.

В психологической науке существуют несколько концепций правопослушного поведения, рассматривающие разные виды социальных мотивов.

В концепции морально-нравственного развития, предложенной L. Kohlberg (Kohlberg et al., 1983), предполагается, что мотивация правопослушного поведения развивается поступательно. Концепция предусматривает четыре мотива, сменяющие друг друга по мере социального развития личности: боязнь быть наказанным, стремление извлечь выгоду из правового поведения, соблюдение правил ради равного доступа к общественным благам и четвертый, высший по уровню развития – понимание необходимости правового поведения для существования общества. Можно заключить, что правовая мотивация в трактовке L.

Kolberg (Kohlberg et al., 1983) характеризует одновременно и уровень социализации человека в конкретный момент времени, и степень его социальной интеграции. На низшем уровне социализации и вовлеченности в общество ведущую роль играет угроза наказания, тогда как на высшем уровне человек учитывает общественные последствия своего поведения.

Альтернативная концепция мотивов правопослушного поведения, разработанная J. Turiel с соавторами, связывает правопослушное поведение с социальными условиями его регуляции (Turiel et al., 1987). В их представлении правопослушное поведение мотивировано не только моралью, но и конвенциональными обязательствами участников социальных отношений, а также их собственными представлениями о праве.

”

Социальная изоляция, исключение или поражение в правах немедленно отражаются на готовности соблюдать правила и нормы поведения. Помимо внешних и по существу социальных условий, изменчивость мотивации правопослушного поведения определяется индивидуально-психологическими факторами

“

Подобный полимотивированный характер правопослушного поведения устанавливает его зависимость от сложившихся социальных отношений, групповых норм, традиций и культуры сообществ. Правовой поступок фактически представляет результат выбора между несколькими конкурирующими правилами. Правовая мотивация через призму теории доменов является социально-сконструированной, как и в теории морально-нравственного развития, однако оставляет за субъектом возможность маневрировать между противоречивыми и конфликтующими установками.

В рамках концепции «Культуры легальности», предложенной S. Silbi (Пургина, 2014), правопослушное поведение выступает культурно-предписанным способом существования человека в обществе. Автор относит правовое регулирование к существенным сто-

ронам социальных отношений, полагая, что человеку свойственно использовать право в качестве инструмента взаимодействия с обществом. S. Silbi дифференцирует три отношения к праву: ценностное, манипулятивное и защитное. Используя право в контексте всех этих отношений, человек получает максимальные возможности удовлетворения своих потребностей, которые общество может ему предоставить. С позиции этой концепции правопослушное поведение, с одной стороны, является источником социальной власти, с другой – ресурсом ее достижения. Противоправное поведение снижает легальную власть человека над окружающими, поскольку общество лишает преступников и правонарушителей правовых инструментов защиты.

Обобщая, можно констатировать, что социальное окружение формирует базовое представление о правопослушном поведении, а также задает условия для его применения человеком. В то же время необходимость правопослушного поведения обосновывается разными мотивами, хотя и базирующимися на связях и отношениях человека с социальным окружением. Так, в концепции морально-нравственного развития первичным мотивом выступает страх наказания со стороны общества, в концепции доменов – утрата личной выгоды, боязнь нарушения справедливости, в концепции культуры легальности мотивом являются потеря возможности использовать правовые инструменты в социальной жизни, вызванная этим потеря права на защиту и утрата власти. Правопослушное поведение обусловлено мотивами, вытекающими из отношений между молодежью и ее социальным окружением. Однако характер этих отношений не изучается в контексте влияния, оказываемого на правопослушное поведение. Недостаток этой информации восполняется нами с помощью эмпирического исследования.

Эмпирическое исследование

Целью исследования является изучение влияния отношений молодежи с социальным окружением на правопослушное поведение.

Гипотезами исследования выступают предположения о том, что правопослушное поведение обусловлено: (а) параметрами отношений с социальным окружением; (б) субъективной ценностью отношений с социальным окружением.

Дополнительные гипотезы кросс-культурного исследования заключаются в сходстве параметров социального окружения в группах русской и китайской молодежи и сходстве их влияния на правопослушное поведение.

В качестве выборки сопоставления использует-

ся китайская молодежь. Объяснение этому видится в определенном сходстве организации социальных отношений в обеих странах.

Так, исследователи отмечают близость российского и китайского законодательства (Трощинский, 2016), объясняя их общей принадлежностью к социалистической правовой системе. Основные положения Конституции КНР отражают ориентацию на построение социалистического государства, «руководимого рабочим классом и основанного на союзе рабочих и крестьян».

Российская и китайская культуры относятся к коллективистскому типу культур. В отличие от индивидуалистской культуры Запада, коллективистский тип культуры Востока основан на приоритете общественного над индивидуальным, предусматривает ориентацию на общественное благо и, как отражено в ст. 24 Конституции КНР, общественную мораль, для которой «характерна любовь к Родине, народу, труду, науке, социализму»¹.

Параметры социального окружения российской и китайской молодежи во многом соответствуют друг другу. Социальное окружение включает членов семьи и некоторых родственников, друзей, коллег и знакомых. В отличие от молодежи стран Запада, российская и китайская молодежь стремится к образованию долгосрочных отношений, считая более близкими людей, взаимодействующих с ними длительное время (Michailova & Worm, 2003). Продолжительность отношений повышает открытость и уровень доверия к другим людям (Mattsson & Salmi, 2013).

Во многом похожей является организация социального окружения. Структура отношений, во-первых, разделена на межпоколенные уровни, отделяющие представителей старшего и младшего возрастов от сверстников, во-вторых, локализована по видам деятельности, дифференцируя их на семейные, рабочие и учебные, дружеские, любовные и неформальные отношения. Совпадают и стратегии взаимодействия с социальным окружением. Молодежь обеих стран принимает помощь и поддержку своих знакомых, устанавливает отношения с ними, используя приемы взаимовыгодного обмена, сотрудничества, а также власти (доминирования) (McDonald et al., 2015).

В целом, схожесть организации социального окружения российской и китайской молодежи позволяет сфокусироваться на исследовании ее влияния на правопослушное поведение.

Показатели исследования

В исследовании использовалась специально разработанная анкета, изучающая четыре характеристики

¹ Конституция КНР. URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (Дата доступа 01.08.2022).

социальных отношений, а также собирающая сведения о мотивах правоупослушного поведения. Изучались:

1. Объем социальных отношений – количественный показатель, характеризующий число людей, взаимодействующих с опрашиваемым. Находился в диапазоне от 7 до 9 человек, среднее значение составило 8,1 человек, $SD = 2,47$ человек.

2. Разнообразии социального окружения – количественный показатель, отражающий степень сходства направленностей, ценностей и образа жизни людей, с которыми взаимодействует обследуемый. Измерялся с помощью шкалы Лайкерта, где минимальные значения (1) свидетельствовали о гомогенности (похожести) людей из социального окружения друг на друга, а максимальные значения (5) – гетерогенности (непохожести, разнообразия) социального окружения. Среднее значение составило 4,3, $SD = 1,12$.

3. Трудности взаимодействия – количественный показатель, характеризующий проблемы взаимодействия с людьми, составляющими социальное окружение. Измерялся с помощью шкалы Лайкерта, кодирующей проблемы взаимодействия максимальными значениями (5), а отсутствие проблем – минимальными значениями (1). Среднее значение составило 2,1, $SD = 2,77$.

Для выявления характеристик взаимодействия личности с социальным окружением использовалась методика (Злоказов, 2021), оценивающая три субъективные характеристики взаимодействия:

1) поддержку социального окружения – показатель «Социальная поддержка»;

2) самооценку субъектом себя во взаимодействии с другими людьми – «Социальная самооценка»;

3) возможность влиять на взаимодействие с социальным окружением – «Влияние на социальное окружение».

Мнения обследуемых собирались с помощью шкалы Лайкерта, где минимальные значения (1 балл) свидетельствовали о низкой социальной поддержке, низкой самооценке и невозможности влиять на окружение, а максимальные значения (5 баллов) – о высоких значениях шкал.

Результаты измерения оценивались посредством расчета коэффициента α -Кронбаха, показавшего удовлетворительную согласованность ($\alpha=0,77$ для шкалы «Социальной поддержки»; $\alpha=0,78$ для шкалы «Социальной самооценки»; $\alpha=0,73$ для шкалы «Влияние на социальное окружение»). Корреляция пунктов в шкалах составила в среднем 0,42 (по Пирсону).

На основании рассчитанных характеристик можно заключить, что методика демонстрирует достаточный уровень согласованности, может использоваться для изучения социального окружения.

4. Мотивы правоупослушного поведения – качественный показатель, характеризующий субъективные причины соблюдения права и отказа от противо-

правных действий. Оценка мотивов правоупослушного поведения осуществлялась с помощью утверждения («Иногда все мы совершаем противоправные деяния. Какие мысли убеждают Вас не рисковать?» / 有时候我们都喜欢做些冒险的事情。请问是什么想法说服了您不去冒险?).

Обработка ответов осуществлялась методом количественного контент-анализа. Ответы китайских респондентов предварительно переводились на русский язык. В результате обработки всех ответов были выявлены четыре группы причин, которые удерживают от противоправных действий: персональные, рациональные, эмоциональные, социальные. Нетипичные (нестандартные либо отвлеченные) ответы не обрабатывались.

Обработка результатов и тестирование гипотез

Обработка сведений о социальном окружении осуществлялась методами количественной статистики. Для проверки исследовательских гипотез использовалась непараметрическая альтернатива однофакторного дисперсионного анализа – H -критерий Краскела-Уоллиса, поскольку распределение значений по показателям не соответствовало нормальному закону.

Выборка исследования: 100 человек, группа состояла из русских (50 человек) и китайских (50 человек) студентов. Группа русских студентов подбиралась с учетом параметров возраста и пола к китайской выборке. В результате была достигнута максимально возможная схожесть групп по половозрастному составу (ср. знач. = 20,2 лет, 39 % мужчин (русские), 20,5 лет, 41 % (китайские) обследуемые) и сходного социально-культурного статуса.

Описание результатов. Результаты приводятся последовательно. Вначале описываются характеристики социального окружения (таблица 1), затем результаты тестирования гипотез.

Результаты показывают сходство характеристик социального взаимодействия у обследованной российской и китайской молодежи. Различия в абсолютных и относительных значениях не являются статистически значимыми и оцениваются как следствие вариации мнений. Данные подтверждают сходство организации социального окружения и отношений между ними как в русской, так и в китайской выборке.

Гипотеза 1. Влияние параметров отношений с социальным окружением на правоупослушное поведение. Тестирование гипотезы показало отсутствие статистически значимого влияния параметров социального окружения на мотивы правоупослушного поведения как в русской и китайской выборках, так и в суммарном виде.

Гипотеза 2. Влияние субъективной ценности отношений с социальным окружением на правоупослушное поведение.

Таблица 1. Отношения с социальным окружением (русская и китайская выборки)

Table 1. Relationships with the social environment (Russian and Chinese samples)

№ п/п	Показатель	Российская выборка (n=50)	Китайская выборка (n=50)
1.	Объем социальных отношений	6-9 человек	5-9 человек
2.	Разнообразие социального окружения	M=4,1 (SD=1,12)	M=4,7 (SD=1,07)
3.	Трудности взаимодействия	M=2,4 (SD=2,91)	M=2,1 (SD=2,66)
4.	Социальная поддержка	M=4,2 (SD=1,28)	M=4,1 (SD=1,86)
5.	Самооценка взаимодействия	M=4,1 (SD=1,14)	M=4,2 (SD=1,22)
6.	Влияние на социальное окружение	M=4,3 (SD=1,53)	M=4,3 (SD=1,14)
7.	Мотивы правоупорядоченного поведения:	Эмоциональные (41 %)	Эмоциональные (36 %)
		Социальные (21 %)	Персональные (20 %)
		Рациональные (17 %)	Социальные (16 %)
		Персональные (16 %)	Рациональные (10 %)
		Нестандартные ответы (5 %)	Нестандартные ответы (8 %)

Примечание: 1. Виды мотивов: (а) эмоциональные мотивы – восприятие опасности и риска; (б) социальные – отношения с членами семьи, родственниками, близкими людьми; (в) рациональные – оценка последствий в виде выгод и потерь; (г) персональные – неспособность к противоправным действиям вследствие личных ценностей, убеждения, воспитания; (д) нестандартные ответы – беспредметные, отвлеченные ответы.
Мотивы упорядочены – от наиболее частых к наименее частым.
2. M – среднее значение, SD – стандартное отклонение.
3. Проценты в таблице округлены до целых значений.

Тестирование гипотезы позволило установить, что показатель «Мотивы правоупорядоченного поведения» изменяется под влиянием показателя «Самооценка взаимодействия» (Н крит. Краскела – Уоллиса = 12,1, $p = 0,01$, $\epsilon^2 = 0,05$) в русской выборке. В китайской выборке различие не является статистически значимым.

При объединении выборок показатель «Мотивы правоупорядоченного поведения» влияет на изменение показателя «Социальная поддержка» (Н крит. Краскела – Уоллиса = 9,28, $p = 0,05$, $\epsilon^2 = 0,04$). Другие показатели статистически значимого влияния не обнаружили.

Обсуждение результатов и их интерпретация

Исследование нацелено на раскрытие влияния социального окружения на правоупорядоченное поведение молодежи. Анализ социального окружения выполнялся нами в двух аспектах – с позиции характеристик его организации, а также с позиции субъективных представлений о взаимодействии с социальным окружением.

В исследовании установлено, что объем социального окружения, характеристики людей, которые его

составляют, а также трудности взаимодействия не влияют на мотивацию правоупорядоченного поведения. Предположение о таком влиянии поддерживается эмпирическими исследованиями, рассматривающими влияние социальной организации сообществ на взаимодействие их участников.

Отсутствие влияния может быть объяснено стандартными (общепопуляционными) характеристиками социального окружения, совпадающими в российской и китайской выборках. Нельзя утверждать, что данные выводы будут справедливы для социального окружения, отличающегося от стандартного. Как показывают результаты исследований, минимальный объем социального окружения (менее 5 лиц) может обуславливать появление девиаций в поведении (Beaver et al., 2011; Kreager et al., 2016). Интересно и то, что правоупорядоченное поведение присуще людям, чье социальное окружение более гомогенное, чем гетерогенное. Это объясняется тем, что гомогенные социальные группы обладают более высоким уровнем социального контроля (Boman, 2017). Наличие трудностей взаимодействия

с социальным окружением также может указывать на влияние групповых норм, ценностей и социальных представлений на правопослушное поведение.

Важно иметь в виду, что параметры социального окружения обусловлены его интеграцией в социальные структуры более высокого порядка – социальные сообщества и институты (Brisette et al., 2000). Соответственно, параметры репрезентируют характеристики социальных структур и такие их отклонения, как, например, малый объем или высокая гомогенность, будут указывать на наличие социально-культурных особенностей и, как следствие, иметь влияние на правопослушное поведение.

Существенным результатом исследования стал факт того, что мотивация правопослушного поведения молодежи обусловлена характером отношений с социальным окружением. Было установлено, что мотивация правопослушного поведения молодежи повышается при ощущении социальной поддержки. Кроме того, у русской выборки на правопослушное поведение влияет высокая самооценка взаимодействия. Для китайской выборки это влияние статистически незначимо.

Объяснение видится в том, что готовность других людей поддерживать и предоставлять помощь повышает субъективную ценность социального окружения (Guo & Ito, 2014). Однако для русской выборки, в отличие от китайской, важным является признание окружающими их персональной ценности. Иными словами, для них социальное окружение выступает не только источником ресурсов, но и фактором, влияющим на самооценку. Полагаем, обращение к социальному окружению для повышения самооценки выступает проявлением копинг-стратегии, нацеленной на избавление от негативных переживаний по поводу собственных неудач за счет сочувствия окружающих.

Другое объяснение видится в том, что повышение самооценки может ассоциироваться с повышением уровня социальной поддержки, поскольку высокая самооценка свидетельствует о повышении статуса в социальных отношениях и, как следствие, возможности получения дополнительной помощи от окружающих (Steinfeld, 2008).

Понимание того, что люди, образующие социальное окружение, высоко оценивают субъекта, также побуждает его к соблюдению правового поведения. Соответственно, правопослушное поведение может зависеть от способности окружающих людей влиять на самооценку субъекта. При ее снижении уменьшается и мотивация к соблюдению правил и норм. Конечно, все изложенные предположения нуждаются в дальнейшей эмпирической проверке.

Еще одним результатом исследования стало прояснение мотивов правопослушного поведения молодежи. Было установлено, что при всем разнообразии мотивов они базируются на осознании факта наказа-

ния за правонарушающее поведение. Угроза наказания не оспаривается ни русской, ни китайской выборками, однако осознается по-разному и связывается с различными последствиями правонарушающего поведения.

Исследование показало наличие четырех групп мотивов, репрезентирующих негативные последствия правонарушающего поведения: эмоциональных, рациональных, персональных и социальных.

Наиболее распространенным является эмоциональный аспект восприятия правонарушающего поведения, составляющий 38,5 % ответов всей выборки (41 % ответов в российской выборке и 36 % в китайской). Он показывает, что правонарушение ассоциируется у опрошенных с опасностью, а также страхом подвергнуться наказанию. Это позволяет заключить, что переживание угрозы наказания является наиболее сильным мотивом правопослушного поведения молодежи.

Социальный мотив занимает второе место (18,5 % ответов в выборке исследования) по частоте упоминания в отчетах российской и китайской выборок, составляя 21 % и 16 % ответов соответственно. Данный мотив представлен нежеланием огорчить своим правонарушением близких людей, испытать чувство вины и стыда перед ними, а также чувством долга и ответственности за членов своей семьи.

Третье место по частоте встречаемости имеет персональный аспект правопослушного поведения (18 % ответов), более представленный в китайской части выборки, чем российской (20 % и 16 % ответов соответственно). Обследуемые говорят о личной неприемлемости правонарушающего поведения, его противоречии личным представлениям, ценностям и убеждениям.

Четвертое место по частоте ответов (13,5 % ответов) занимает рациональный аспект мотивации правонарушающего поведения. Он выражается в оценке выгоды и вреда от противоправных действий, определении вероятности быть избалованным и наказанным за совершение преступления.

Несмотря на то, что выполненная систематизация мотивов является эмпирической и базируется на мнениях опрошенной молодежи, наличие четырех групп категорий указывает на внутреннюю дифференциацию мотивов правопослушного поведения при их принципиальной социальной основе. Так, страх наказания за правонарушения культивируется обществом у индивидов посредством обучения и других форм целенаправленного воздействия. Однако страх не является единственным фактором социального контроля над поведением.

Более сложные мотивы базируются на представлениях о негативной оценке правонарушений членами семьи, родственниками и другими значимыми персонами. Кроме того, мотивы корреспондируют к чувству долга и ответственности человека за свое поведение. Источ-

ником этих психологических образований, их формирования также выступает социальное окружение. С точки зрения социальных условий их формирования долг и ответственность близки к личностным образованиям, контролирующим правоупотребное поведение – моральным нормам, ценностям и убеждениям.

Рациональные мотивы правоупотребного поведения отдалены от социальных и персональных и в большей степени характеризуют готовность к принятию наказания за правонарушение при преобладании выгоды от его совершения. В такой трактовке рациональные мотивы показывают обусловленность правоупотребного поведения санкциями за его нарушение. Соответственно, мотив правоупотребного поведения в рациональном контексте основывается на санкционных возможностях и качестве социального контроля над поведением.

Подводя итоги, можно заключить, что влияние социального окружения на правоупотребное поведение определяется двумя факторами:

1) вовлеченностью молодежи в отношения с социальным окружением, составляющие основу для формирования знаний о правоупотребном поведении, и санкциями за его нарушение;

2) индивидуальными представлениями о пользе соблюдения правовых норм и правил либо вреде (ущербе), который наступит в случае их нарушения.

Данные выводы не противоречат теоретическим представлениям о правоупотребном поведении, соблюдаемом в качестве условия, предъявляемого со стороны общества к индивиду (в русле концепции морально-нравственного развития L. Kohlberg), либо в качестве стратегии функционирования индивида в обществе (в русле теории доменов J. Turiel), либо в качестве оптимальной формы социального взаимодействия (предложенной в рамках культуры легальности S. Silbi).

В целом, правоупотребное поведение молодежи, воспринимаемое через призму отношений с социальным окружением, представляется теперь в большей степени социально обусловленным, чем индивидуалистическим.

Ограничения исследования

Сформулированные выводы имеют ряд ограничений, обусловленных исследовательским подходом, поставленными гипотезами, свойствами выборки и статистическими показателями.

Обсуждаемые результаты нуждаются в дополнительном уточнении, в первую очередь, применении других методологических оснований для изучения социального окружения. Проверка результатов должна проводиться на выборках с альтернативными параметрами отношений с социальным окружением, а также на обследуемых, относящихся к другой социальной категории. Используемые в работе критерии тестирования гипотез являются непараметрическими, что ограничивает мощность исследования и требует дополнительной проверки.

Заключение

В ходе исследования были получены новые сведения о мотивации правоупотребного поведения, обусловленной отношениями с социальным окружением. Установлена социально-культурная специфика отношений с социальным окружением и социальной мотивации правоупотребного поведения в российской и китайской молодежных выборках. Полученные результаты позволяют уточнить условия воспитания правового поведения в части организации социального окружения личности и необходимого качества межличностных отношений.

Результаты и выводы могут использоваться для организации психолого-педагогического сопровождения юношей, склонных к девиантному поведению, в качестве индикаторов, раскрывающих необходимый уровень и качество взаимодействия.

Список литературы

- Злоказов, К. В. (2021). *Социальное пространство в представлении преступника: монография*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Кириллова, Е. Б., Шестаков, А. Г. (2018). Факторная структура черт личности девиантных подростков. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 4(80), 197-201.
- Муслумов, Р. Р. (2019). Проблемы формирования правового самосознания личности. *Перспективы науки и образования*, 6 (42), 44-54. <https://doi.org/10.32744/pse.2019.6.4>
- Пургина, Е. С. (2014). Проблемы правовой культуры и «культуры легальности» в работах С. Силби. *Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки*, 3(131), 88-91.
- Разумова, Е. М. (2007). Психологические особенности личности преступников-рецидивистов: дис.... канд. психол. наук. Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Трощинский, П. В. (2016). К вопросу о традиционных взглядах на право в китайском обществе. *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина*, 3, 136-146.
- Akers, R. L. (2009). *Social learning and social structure: A general theory of crime and deviance*. New Brunswick, NJ: Transaction.
- Beaver, K. M., Gibson, C. L., Turner, M. G., DeLisi, M., Vaughn, M. G., & Holand, A. (2011). The stability of delinquent peer associations: A biosocial test of Warr's sticky friends hypothesis. *Crime & Delinquency*, 57, 907-927.

- Boman, J. H. IV (2017). Do birds of a feather really flock together? Friendships, self-control similarity and deviant behavior. *British Journal of Criminology*, 57, 1208–1229.
- Brisette, I., Cohen, S., & Seeman, T. E. (2000). Measuring social integration and social networks. In S. Cohen, L. G. Underwood, & B. H. Gottlieb (Eds.), *Social support measurement and intervention* (pp. 53–85). New York: Oxford University Press.
- Guo, Y., Li, Y., & Ito, N. (2014). Exploring the predicted effect of social networking site use on perceived social capital and psychological well-being of Chinese international students in Japan. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 17(1), 52–58.
- Knecht, A., Snijders, T. A. B., Baerveldt, C., Steglich, C., & Raub, W. (2010). Friendship and delinquency: Selection and influence processes in early adolescence. *Social Development*, 19, 494–514.
- Kohlberg, L., Levine, C. & Hewer, A. *Moral Stages: A Current Formulation and a Response to Critics* (New York: S. Karger, 1983).
- Kreager, D. A., Schaefer, D. R., Bouchard, M., Haynie, D. L., Wakefield, S., Young, J. T. N., & Zajac, G. (2016). Toward a criminology of inmate networks. *Justice Quarterly*, 33, 1000–1028.
- Mattsson, L. & Salmi, A. (2013). The changing role of personal networks during Russian transformation: challenges for Russian management. *Journal of Business & Industrial Marketing*, 28(3), 190–200.
- McDonald, S., Chen, F., & Mair, C. A. (2015). Cross-national patterns of social capital accumulation: Network resources and aging in China, Taiwan, and the United States. *American Behavioral Scientist*, 59(8), 914–930. <https://doi.org/10.1177/0002764215580587>
- McGloin J.M. (2009). Delinquency balance: Revisiting peer influence. *Criminology*, 47, 439–447.
- Michailova, S., & Worm, V. (2003). Personal Networking in Russia and China. *European Management Journal*, 21(4), 509–519. [https://doi.org/10.1016/s0263-2373\(03\)00077-x](https://doi.org/10.1016/s0263-2373(03)00077-x)
- Steinfeld, C., Ellison, N. B., & Lampe, C. (2008). Social capital, self-esteem, and use of online social network sites: A longitudinal analysis. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 29(6), 434–445. <https://doi.org/10.1016/j.appdev.2008.07.002>
- Turiel, E., Killen, M., & Helwig, C. (1987). Morality: its structure, functions, and vagaries. In J. Kagan, & S. Lamb (Eds.), *The emergence of morality in young children* (pp. 155–243). Chicago: The University of Chicago Press.

References

- Zlokazov, K. V. (2021). *Social'noe prostranstvo v predstavlenii prestupnika: monografiya*. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Kirillova, E. B., Shestakov, A. G. (2018). Faktornaya struktura chert lichnosti deviantnykh podrostkov. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 4(80), 197–201.
- Muslumov, R. R. (2019). Problemy formirovaniya pravovogo samosoznaniya lichnosti. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*, 6 (42), 44–54. <https://doi.org/10.32744/pse.2019.6.4>
- Purgina, E. S. (2014). Problemy pravovoj kul'tury i "kul'tury legal'nosti" v rabotah S. Silbi. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennye nauki*, 3(131), 88–91.
- Razumova, E. M. (2007). *Psihologicheskie osobennosti lichnosti prestupnikov-recidivistov: dis....* kand. psihol. nauk. Sankt-Peterburg: SPbGU.
- Troshchinskij, P. V. (2016). K voprosu o tradicionnykh vzglyadah na pravo v kitajskom obshchestve. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina*, 3, 136–146.
- Akers, R. L. (2009). *Social learning and social structure: A general theory of crime and deviance*. New Brunswick, NJ: Transaction.
- Beaver, K. M., Gibson, C. L., Turner, M. G., DeLisi, M., Vaughn, M. G., & Holand, A. (2011). The stability of delinquent peer associations: A biosocial test of Warr's sticky friends hypothesis. *Crime & Delinquency*, 57, 907–927.
- Boman, J. H. IV (2017). Do birds of a feather really flock together? Friendships, self-control similarity and deviant behavior. *British Journal of Criminology*, 57, 1208–1229.
- Brisette, I., Cohen, S., & Seeman, T. E. (2000). Measuring social integration and social networks. In S. Cohen, L. G. Underwood, & B. H. Gottlieb (Eds.), *Social support measurement and intervention* (pp. 53–85). New York: Oxford University Press.
- Guo, Y., Li, Y., & Ito, N. (2014). Exploring the predicted effect of social networking site use on perceived social capital and psychological well-being of Chinese international students in Japan. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 17(1), 52–58.
- Knecht, A., Snijders, T. A. B., Baerveldt, C., Steglich, C., & Raub, W. (2010). Friendship and delinquency: Selection and influence processes in early adolescence. *Social Development*, 19, 494–514.

- Kohlberg, L., Levine, C. & Hewer, A. *Moral Stages: A Current Formulation and a Response to Critics* (New York: S. Karger, 1983).
- Kreager, D. A., Schaefer, D. R., Bouchard, M., Haynie, D. L., Wakefield, S., Young, J. T. N., & Zajac, G. (2016). Toward a criminology of inmate networks. *Justice Quarterly*, 33, 1000–1028.
- Mattsson, L. & Salmi, A. (2013). The changing role of personal networks during Russian transformation: challenges for Russian management. *Journal of Business & Industrial Marketing*, 28(3), 190–200.
- McDonald, S., Chen, F., & Mair, C. A. (2015). Cross-national patterns of social capital accumulation: Network resources and aging in China, Taiwan, and the United States. *American Behavioral Scientist*, 59(8), 914–930. <https://doi.org/10.1177/0002764215580587>
- McGloin J.M. (2009). Delinquency balance: Revisiting peer influence. *Criminology*, 47, 439–447.
- Michailova, S., & Worm, V. (2003). Personal Networking in Russia and China. *European Management Journal*, 21(4), 509–519. [https://doi.org/10.1016/s0263-2373\(03\)00077-x](https://doi.org/10.1016/s0263-2373(03)00077-x)
- Steinfeld, C., Ellison, N. B., & Lampe, C. (2008). Social capital, self-esteem, and use of online social network sites: A longitudinal analysis. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 29(6), 434–445. <https://doi.org/10.1016/j.appdev.2008.07.002>
- Turiel, E., Killen, M., & Helwig, C. (1987). Morality: its structure, functions, and vagaries. In J. Kagan, & S. Lamb (Eds.), *The emergence of morality in young children* (pp. 155–243). Chicago: The University of Chicago Press.

Информация об авторах:

Кирилл Витальевич Злоказов – начальник научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат психологических наук, доцент.

Роман Юрьевич Порозов – кандидат культурологии, аналитик отдела международных образовательных проектов, доцент кафедры философии, социологии и культурологии, Уральский государственный педагогический университет.

Хуан Тяньдэ – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник факультета русского языка Института европейских языков и культур Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли.

About the authors:

Kirill V. Zlokazov – Professor of the Department of Legal Psychology, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of psychological Sciences, Associate Professor.

Roman Yu. Porozov – Candidate of Cultural Studies, Analyst of the Department of International Educational Projects, Associate Professor of Department of Philosophy, Sociology and Cultural Studies, Ural State Pedagogical University.

Huang Tiande – PhD in Philology, Researcher in the Russian Language Department, Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Studies.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 06.10.2022
Одобрена после рецензирования 21.10.2022
Опубликована 29.10.2022

Authors' contribution

All authors made an equal contribution to the development of the research, the processing of its results and the writing an article.

The authors declare no conflicts of interests.

Submitted October 6, 2022
Approved after reviewing October 21, 2022
Accepted October 29, 2022